

Глава 11. Решение Су Вэньфэна

Услышав это, Нин Сянлан растерялся. В те годы он был еще совсем мал и мало что понимал в делах Первого завода.

Лишь много позже, начав собственное расследование, он узнал, что его отец, Нин Аньго, занимался там крайне неблагоприятным делом — сокращением штата.

Увольнения всегда и везде вызывают волну возмущения. Особенно на таком гиганте, как Первый завод. Стоило допустить малейшую ошибку — и рабочие тут же подняли бы бунт, дойдя до Ассоциации производственной промышленности Сичжоу, и тогда уволенных пришлось бы возвращать обратно. В последующей отставке Нин Аньго эта история сыграла не последнюю роль: кто-то настроил на него донос, обвинив в злоупотреблении полномочиями. Якобы он, пользуясь своими связями в Ассоциации, заминал жалобы бывших сотрудников.

Будучи в прошлой жизни признанным мастером своего дела, Сянлан прекрасно понимал, как устроена эта система. Всю подноготную этой мышью возни он видел насквозь. Очевидно, что действия его отца тогда полностью одобрялись и руководством завода, и самой Ассоциацией. Вот только Нин Аньго сознательно выбрали на роль козла отпущения, решив выставить его крайним перед разъяренной толпой.

Когда позже грянула беда в Хуцзявани, а сам отец тяжело слег, старые счета поспешили поднять из архивов. Чтобы не усложнять себе жизнь, верхи попросту свалили всю вину на больного человека. Так Нин Аньго и покинул Первый завод — предприятие, которому отдал лучшие годы жизни и в которое вложил всю душу.

Сянлан крепко сжал кулаки.

Отец ведь не был глупцом. Он прекрасно понимал, к чему может привести эта затея. Но у него не было влиятельных покровителей, не было прочного тыла и связей. Ему приходилось пробивать себе дорогу буквально голыми руками, идя напролом.

Понимая, что сейчас он слишком мал и его слова ничего не изменят, Сянлан повернулся к другу:

— Пойдем на второй этаж надвратной башни, — предложил он своему спутнику. — Оттуда все отлично видно.

Фу Чжэнтянь, который в общих чертах понимал непростое положение Нин Аньго, молча кивнул и побежал следом. Ху Линцуй, боясь, что детвора разбредется в суматохе, поспешила за ними.

Добрежав до ворот, Сянлан принялся упрашивать дежурного пропустить их наверх. Тот, конечно, знал сына одного из начальников и без лишних слов отпер дверь, позволяя ребятам

взглянуть на назревавшую заваруху.

Зрелище и впрямь оказалось впечатляющим. Прямо у входа собрались несколько десятков рабочих. Они растянули широкие транспаранты и во всю глотку скандировали лозунги: «Протестуем против незаконных увольнений!» и «Требуем отставки Нин Аньго!».

Ху Линцуй сразу заметила мужа, который неподвижно стоял у ворот. На фоне беснующейся толпы Нин Аньго казался воплощением спокойствия. Он медленно, без суеты осматривал лица протестующих — он подмечал каждую деталь, ловил каждое брошенное слово. Мужчина стоял вплотную к разгневанным рабочим, отказавшимся от помощи охраны. Точно так же, как на многочисленных заводских собраниях, он предпочитал открытый и прямой диалог лицом к лицу.

Постепенно крики начали стихать. Удовлетворенный такой реакцией, Нин Аньго открыто и доброжелательно улыбнулся, как делал всегда:

— И откуда только поползли эти слухи?

Протестующие недоуменно переглянулись.

— Неужели в ваших глазах я настолько безжалостный человек? — спокойно спросил Аньго.

Толпа глухо зароптала, слышались неуверенные выкрики, пока наконец один из рабочих не спросил напрямую:

— А разве нет? Хотите сказать, увольнений не будет?

— Будут, — не стал отпираться начальник. — Сокращение действительно планируется.

Среди собравшихся вновь прокатился яростный ропот.

Нин Аньго поднял руку, призывая к порядку:

— Но списки еще никто не утверждал. Чего же вы паникуете раньше времени? Неужели вы сами сомневаетесь в своем профессионализме? Или думаете, что ваш вклад в работу завода настолько мал, что вас уволят первыми?

Эти слова заставили толпу умолкнуть. Возразить было нечего.

— Вас попросту используют, — с мягкой улыбкой продолжил Аньго. — Те бездельники, которые действительно заслуживают увольнения, первыми почуяли угрозу. Вот они и начали поднимать

вас на бунт, толкая на рожон. И если вы сейчас устроите здесь погром, то у руководства не останется выбора, кроме как уволить именно бунтовщиков. Этого они и добиваются.

Его тон был настолько ровным и убедительным, будто он искренне сопереживал каждому из стоявших перед ним рабочих.

Напряжение, висевшее в воздухе, мгновенно спало. Протестующие, и без того чувствовавшие себя неуютно, словно ушатом холодной воды облились. К ним быстро вернулось самообладание.

Глядя на это, Сянлан облегченно вздохнул — инцидент был исчерпан. Впрочем, глупо было сомневаться: не умей его отец разрешать подобные кризисы, он никогда не заслужил бы такого уважения на заводе.

Фу Чжэнтянь тоже понял, что гроза миновала. Посмотрев на повеселевшего Сянлана, он негромко заметил:

— Твой отец умеет вести дела. Истинный полководец — сокрушает вражеские козни одним лишь словом, с улыбкой на устах.

— Не люблю это сравнение, — покачал головой Сянлан.

— Это еще почему? — удивился Чжэнтянь.

— Красиво жил, да рано умер. Какой в этом толк?

Чжэнтянь оживился. Мальчишка снова удивил его своей не по годам развитой эрудицией.

— Но ведь не бывает так, чтобы жизнь шла исключительно гладко, — возразил юноша. — Взлеты и падения неизбежны. Это естественный ход вещей.

— А я не согласен с таким ходом вещей, — с упрямой решимостью отозвался Сянлан. — Я человек жадный.

Он имел в виду именно это: он сделает все, чтобы его близкие никогда больше не знали падений. Только вверх, без права на шаг назад.

Чжэнтянь на секунду замер, а затем он искренне улыбнулся — редкое зрелище для его обычно холодного и безучастного лица.

— Какое совпадение. Я тоже.

Фу Мянью только молча похлопал глазами, а Толстяк Су озадаченно почесал в затылке. Ху Линцуй тоже почувствовала смутное недоумение — этот разговор двух мальчишек казался ей слишком уж взрослым.

Поняв, что представление у ворот закончилось, женщина увлекла Сянлана за собой, спеша домой готовить обед. Фу Чжэнтянь и его младший брат послушно зашагали следом.

Толстяк Су замялся. Он то и дело оглядывался по сторонам, пытаясь отыскать в толпе своего отца, Су Вэньфэна. В такой важный момент того почему-то нигде не было видно! Будь его отец на передовой, разве достались бы все лавры папаше Сянлана?

Немного подумав, Сяо Шэн окликнул приятеля:

— Слышь, Сянлан! Я к вам не пойду, лучше отца поищу.

Тот с преувеличенным изумлением посмотрел на него:

— Постой, так ты серьезно собирался напроситься к нам на обед?

Поняв, что его в очередной раз беспардонно раскусили, Толстяк Су задохнулся от обиды:

— Да ну тебя!.. Сволочь! Больше вообще с тобой знаться не хочу!

Сянлан лишь весело зажмурился и помахал ему рукой на прощание.

Наблюдавший за этой сценой Фу Мянью мысленно перекрестился. Ему определенно стоило радоваться тому, что этот коварный малец пока не выбрал его мишенью для своих подколов.

Пыша гневом, Толстяк Су зашагал к административному корпусу, где находился кабинет его отца. Однако стоило ему потянуть за ручку двери, как изнутри донесся резкий голос деда, Старейшины Су:

— И зачем ты туда рвешься? Это не твоя забота, пусть Аньго сам со всем разбирается.

— Но это касается всего завода, — возразил Су Вэньфэн. — Как заместитель директора, я обязан там быть.

— Да что ж ты за упрямец такой! — недовольно прикрикнул старик. — Аньго прекрасно справится и без тебя. Незачем тебе лезть в это болото и марать руки! По твоей логике, мне, как директору, тоже следовало бежать к воротам?

Сяо Шэн прильнул к щели приоткрытой двери. Его отец стоял посреди кабинета, выпрямив спину как струну, и упрямо смотрел на деда.

— Да, отец, я считаю, что ты должен был выйти, — глухо произнес Вэньфэн. — Раньше я не понимал, почему ты так продвигаешь Аньго. Думал, ты просто выделяешь его среди прочих. Но теперь пелена спала с моих глаз. Ты ведь просто держишь его за громоотвод! Все самые грязные, тяжелые и неблагодарные дела ты сваливаешь на него...

Старейшина Су, уловив в словах сына явный упрек, мгновенно вспыхнул:

— Ты мой единственный сын! Кого мне еще защищать, если не тебя?! Или ты хочешь, чтобы я подставил тебя под удар, расчищая дорогу чужакам? Думаешь, Аньго дурак и ничего не понимает? Это взаимовыгодный обмен. Ему нужны перспективы и карьерный рост, а я даю ему эту возможность. Но за любой шанс нужно платить, и сопутствующие риски он обязан брать на себя. И ты смеешь заявлять, будто я перед ним виноват?!

Вэньфэн побледнел. Он не мог прямо обвинить отца в подлости — в конце концов, тот действовал ради его блага, — но от такой родительской «заботы» на душе становилось тошно.

Он ведь знал, как непросто приходится семье Нин. Аньго был на редкость талантливым и достойным человеком, но судьба подкинула ему тяжелое испытание в виде непутевой родни. И теперь старик Су, делая вид, будто покровительствует одаренному подчиненному, безжалостно использовал его как живой щит. Каково это — каждый день балансировать на краю пропасти?

Вэньфэн долго молчал, переваривая услышанное, но затем решительно поднял голову:

— Отец, я все-таки пойду.

Он резко развернулся к выходу.

— А ну стой! Никуда ты не пойдешь! — в ярости прикрикнул директор.

Сяо Шэн за дверью совсем растерялся. Он мало что понял из их спора, но когда дед сорвался на крик, мальчик испуганно распахнул дверь и ввалился в кабинет:

— Папа, дедушка, не надо ссориться! Там на улице уже все закончилось!

Вэньфэн вздрогнул, поняв, что сын подслушал их тяжелый разговор. Он покраснел от стыда. Неловкость ощутил и директор. Смягчив тон, он спросил внука:

— Сяо Шэн, ты давно здесь стоишь?

— Да прилично уже, — честно признался Толстяк Су.

Старик нахмурился и строго произнес:

— Запомни, то, что ты сейчас здесь услышал, должно остаться между нами. Ни одна живая душа не должна знать об этом разговоре. Ясно?

Увидев серьезное выражение лица деда, мальчик испуганно закивал:

— Да-да, конечно! — Он неловко поскреб макушку и добавил: — Да я все равно ничего не понял, так что и рассказать никому не смогу при всем желании.

Директор удовлетворенно хмыкнул и уточнил:

— Так говоришь, у ворот все утихло?

— Ага! Дядя Нин вышел, сказал им пару слов — и они все сразу разошлись. Он такой крутой!

Старик бросил многозначительный взгляд на сына:

— Ну вот, видишь. А ты переживал. Сяо Шэн наверняка пришел позвать тебя к обеду. Идите домой, не заставляйте мать ждать.

Мальчик радостно уткнулся и потащил отца за рукав к выходу. По дороге домой Вэньфэн хранил угрюмое молчание.

— Пап, а ты не вышел к воротам, потому что дедушка запретил? — не выдержал Сяо Шэн.

Вэньфэн промолчал.

— Дядя Нин сегодня выглядел настоящим героем, — с легкой завистью вздохнул сын. — Но я знаю, что ты справился бы ничуть не хуже! Давай в следующий раз ты просто не будешь слушать дедушку и покажешь им всем класс? Я так хочу утереть нос этому негодяю Сянлану, а то он вечно ходит с таким видом, будто все знает!

Отец ничего не ответил, лишь крепче сжал губы. Мальчик уныло повесил нос.

У самой калитки Вэньфэн вдруг остановился и ласково потрепал сына по макушке:

— А что, если мы позовем Сянлана и его родителей сегодня к нам на ужин?

Мальчик так и подпрыгнул от радости:

— Правда?! Было бы здорово! Мама так вкусно готовит, у этого зазнайки слюнки потекут!

Видя восторг сына, Вэньфэн мысленно поставил точку в своих сомнениях. Он принял решение.

Он взрослый состоявшийся мужчина, глава собственной семьи. Он должен быть для сына надежной опорой и примером для подражания, а не безвольной марионеткой. Хватит с него сделок с совестью и сомнительных привилегий, за которые потом придется расплачиваться чужой сломанной жизнью.

Дорога, проторенная чужими руками и усыпанная чужими слезами, никогда не принесет счастья. Настоящий путь нужно прокладывать самому — честно и открыто.

<http://bllate.org/book/20435/2132455>